

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 316.37

ПРИРОДА ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ

© Игорь Алексеевич ФЕДОРОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор социологических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной социологии,
e-mail: malero1410@mail.ru

Затрагиваются сложнейшие проблемы взаимосвязи структуры личности и культурных детерминант конструирования ею своих жизненных сценариев. Выдвигается гипотеза структуры и природы личности, связи уровней организации личности с культурными рамками жизненных сценариев, описывается действующая при этом иерархия психических механизмов личности.

Согласно базовой гипотезе, основой конструирования человеческой «Я-системы» является экзистенциал, трактуемый как фиксированный в самых древних кластерах психики фундаментальный страх разума перед своей уникальностью, несводимостью к любым формам внешнего мира. Личностные комплексы, ее фобии и мании восходят к экзистенциалу. «Осевым принципом» поведения являются попытки личности заблокировать или смягчить такое «прикосновение к экзистенциалу», особенно на описываемых уровнях «социального» и «витального» «Я».

Прямым выражением таких зависимостей является выработка личностью собственных жизненных сценариев. Выделены несколько типов таких сценариев: «субъективно-идеалистический» (абстрактно желаемое развитие событий), «субъективно-негативный» (сценарий наиболее нежелаемый), «сценарий наибольшей вероятности» (представления человека наиболее вероятном для него развитии событий). Учет наиболее типичных жизненных сценариев населения – необходимое рамочное условие социального управления, которое ориентировано на пропаганду социальных аспектов таких сценариев.

Ключевые слова: личность; экзистенциал; культура; жизненные сценарии.

Гуманитарная традиция изучения феномена человеческой личности очень сильна и имеет давнюю историю, во всяком случае, сейчас можно легко насчитать несколько сотен масштабных попыток формирования фундаментальных теорий личности. Разумеется, для подробного изложения сложившихся интеллектуальных традиций требовалось бы отдельное исследование. Вместе с тем обойтись вовсе без описания принимаемой модели природы личности невозможно. Приведем поэтому лишь базовые положения такой принимаемой модели без особенных комментариев.

1. Представляются практически бесперспективными часто встречающимися попытки дефинирования природы личности через описание так называемой «природы человека». Последняя настолько явно демонстрирует признаки эпифеноменальности и сингу-

лярности, что понять природу человека, не имея других разумных объектов для сравнения, – значит, еще раз ставить вопрос о природе Истины, заведомо не обладая ею, признавая невозможность такого обладания.

2. Личность, тем не менее, существует, и вполне представимы социологические и психологические методы, позволяющие уверенно констатировать такое существование. Личность, по нашему мнению, не может быть полностью определена ни через меру социальной активности человека (марксизм), ни через «сублимацию бессознательного» (фрейдизм), ни через шелдоновскую корреляцию темперамента и телосложения, ни через виндельбандовские «нотетические универсалии», ни через оллпортовские «трайты» и «проприум», ни через «центральный регион» К. Левина и вообще подобные модели, ни даже через то, что может уловить сеть

Q-техник А. Маслоу, ни через измерение биосферы А. Ангяла, ни через целостность «организма» К. Гольдштейна, ни через лонгитюды Г. Меррея и т. д. [1–8]. Реальность всех этих феноменов несомненна, равным образом, как и возможность ситуации, когда они даны лишь латентно, но личность при этом существует.

3. Личность структурирована; общие черты такой структуры даны на схеме (рис. 1). Своеобразными «границами личности» являются механизмы дальней памяти и физиологии мозга. Все эти четыре глобальные «компоненты» человека (физиология тела, физиология мозга, внеличные механизмы психики и личность) находятся в сложной корреляции, гомеостазное состояние которой чаще всего, но далеко не всегда, определяется адаптацией к среде. Но успешность такой адаптации вовсе не является исчерпывающим критерием личности. Духовные коммуникации между людьми, сны, страсти, движение тонатологических основ человека, созерцание – все это показывает, что жизнь личности вовсе не всегда опосредована интересами выживания.

Данная схема отражает исходные представления о структуре личности и основных факторах, очевидно влияющих на бытие такой пластичной и сложной структуры.

Стержнем такой структуры выступает упоминавшийся экзистенциал (знак «Эк»

на схеме) и функционально-деятельная ориентация и всей психики, и личности в результате оформившегося еще в процессе изначального антропогенеза мощного влечения к психологической защите как психическому аналогу инстинкта выживания путем социализации, интериоризации социально данной необходимости имиджей.

На каждом энергетическом уровне структуры личности (на схеме А, В, С, Д, Е) такой экзистенциал выступает своеобразным «генератором» поведенческого поля, на факт которого указывал еще К. Левин, которое провоцирует метасистему несоциальных и девиантных, отклоняющихся действий, ценностей, потребностей и квазипотребностей, и т. д. (на схеме – область, прилегающая к экзистенциалу, знак nS «несоциальное») на каждом уровне структуры личности [9; 10].

Таким образом, вся приведенная на схеме структура как бы вращается (знак «Д»), рождая центробежный момент, упоминающуюся «внешнюю» ориентацию на действие, имеющую свою специфику на каждом уровне. Причем неизбежны межуровневые связи (знак «1» на схеме), посредством которых гипотетический «момент движения» от экзистенциала, момент *психической защиты*, должен передаваться от уровня к уровню, первоначально плавно, а на высших уровнях – скачками, меняя формы такой защиты.

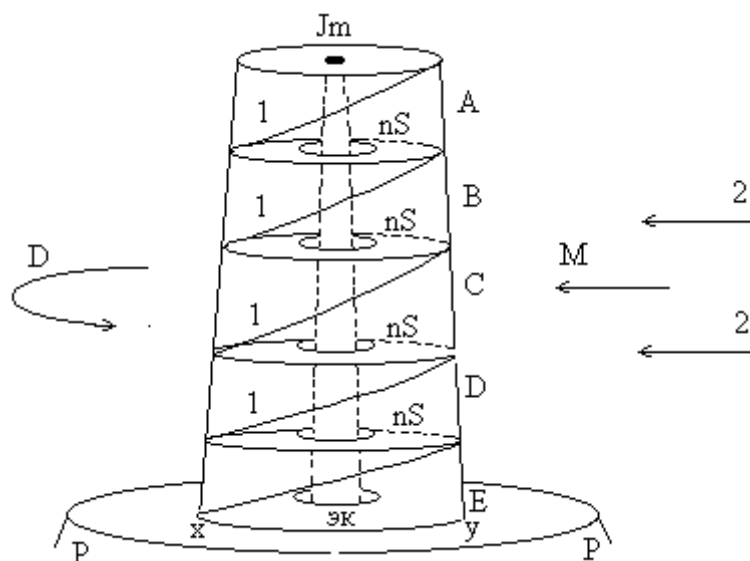

Рис. 1. Структура личности («Шляпа»)

На «выходном» уровне, уровне готовности к выполнению групповой роли (знак «Jm» на схеме), роль экзистенциала минимальна, поскольку сам имидж, оформляющийся именно тут, выражает единство группового и индивидуального опыта психологической защиты, опосредованного социальными целями человека и ситуацией. Естественно, общая логика схемы подразумевает зависимость: чем «ближе» уровень организации личности к подсознанию, дальней памяти, тем ниже роль чисто социальных ориентиров в процессах формирования имиджа (знак «P» на схеме обозначает область подсознания, линия «х-у» – описанную З. Фрейдом область вытесненного сознания, которая будет интересовать нас лишь в связи с ментальными аспектами имиджа) [11; 12]. Разумеется, дело сильно осложняется тем, что процессы формирования имиджа опосредованы микросредой человека (знак «M» на схеме) и общедетерминирующими воздействиями микросреды, что часто переплетено самым затейливым образом [13–15].

Остается лишь выделить, хотя бы в самом общем виде, специфику каждого из уровней. Подчеркнем еще раз, что они различаются энергетикой, степенью управляемости (или долей так называемых рефлекторно-личностных ориентаций), частотой апелляций к дальней памяти, интуиции и т. д.

Уровень А. Будем понимать под таким шифром уровень социального обоснования поведения человека. Отличается высокой ролью рационально-понятийного «тракта» (психологические социальное планирование, знаково-семантическая подсистема, выработанные предубеждения, непосредственная шифровка имиджей, транскомуникационные феномены и т. д.).

Уровень В. Уровень бытия личностно-деятельной ориентации (или, пользуясь термином польских социологов, «стиля жизни»). В нем как бы обобщаются, системно связываются процессы, идущие на предыдущих уровнях. Своеобразным нормативно-ценностным «центром» такого уровня должна являться картина целей, ради которой человек готов действовать реально. Как уже отмечалось, возможны несколько ориентации (или «стилей жизни») – прагматическая, гедонистическая, дионисийская, ригористическая и т. д. Уровни А и В можно объеди-

нить в известном термине «социальная Я-система».

Уровень С. Назовем его уровнем выбора предубеждений. На таком уровне происходит сложнейшее согласование неуправляемых, автоматизированных, стремящихся к гомеостазе психических процессов с социальным «Я». Центром такого уровня являются движения воли, о чем речь пойдет ниже. Будем называть такой уровень «витальным Я» человека.

Уровень Д. Описание такого уровня наиболее затруднительно, поскольку именно тут формируются фобии, комплексы, востребуемые лишь интуитивно цепи ассоциативного разгона, и т. д. Другими словами, здесь хранится и самоорганизуется доволевая экзистенциальная информация. Она выражает сам исходный принцип жизни высших уровней – боязнь и необходимость самопознания одновременно, фундаментальность страха себя как скрытую и формализуемую на других уровнях в десятках форм основу бытия личности. Коммуникации и структурирование комплексов, страхов и фобий экзистенциального уровня чаще всего неосознанны и даны в мире самосознания личности лишь в несоциальных формах – в сновидениях, страстях и т. д. [16].

Уровень Е. Назовем его условно-рефлекторным уровнем личности, где происходит отождествление, идентификация собственно физиологических и психических реакций, например, посредством упоминавшейся иррадиации.

В связи с принятым правилом избегания обширных комментариев нашей позиции в вопросе о природе личности, это нуждается, видимо, просто в чуть более эмоциональном описании.

По современным представлениям, разум, что бы он из себя ни представлял, существует на планете уже 5 млн лет, если не больше [17]. Как и любой феномен движения биосферы, такой разум должен показывать в своем движении бифуркационные точки, скачкообразные, взрывные процессы фазового перехода к новому качеству. Принципиальные неопределенности, таким образом, связаны лишь с происхождением самого разума (что, до известной степени снижается удивительным сходством геномов человека и приматов), и тем, что считают бифуркацией

уже в движении самого разума. Несомненно, что первой из таких бифуркаций было оформление в психике *экзистенциала*. В данном случае он трактуется не в духе современной экзистенциальной психологии М. Босса и Л. Бисвангера¹, а как наиболее древний участок психики, генерирующий независимо от воли человека и степени его рефлексивности самую мощную из доступных человеку эмоций: ужас, неопредмеченный страх разума перед собственной уникальностью, своей непохожестью и несводимостью к чему бы то ни было, даже к самому себе.

7. Личность, таким образом, не может быть сведена к «системе черт» (трейт), как это не раз постулировалось в психологии Р. Кэттела и У. Шелдона, Э. Кречмера, Г. Айзенка, В. Стефенсона; понимание личности как метасистемы сложных физиологических процессов, причем запускаемых не менее таинственным «драйвом», вообще не может быть особенно глубоким [1–8]. Более важным является факт эмоционально-когнитивных атрибутов жизни человека.

Личность, в тех случаях, когда она действительно возникает, выражая колоссальный потенциал человеческой психики, характеризуется, видимо, именно феноменом «третьей сигнальной системы», умением жить в рамках интеллектуальных координат фундаментальных противоречий, используя абстракции, прямо никак не выводимые из бытовых нужд, причем постоянно сомневаясь в необходимости такой жизни и совершая, невзирая на такие сомнения, постоянные и решительные поведенческие выборы.

Именно пребывание на таком уровне, а не очевидные связи с предшествующими, выражает сущность личности. В этом смысле личность – *социально-девиативная система воспроизводства самой возможности экзистенциального сомнения*.

8. Движение среды и движение личности коррелируются самым причудливым образом, причем полюсными значениями являются варианты развития личности против логики микросреды и деградация личности в формально весьма благоприятной среде.

¹ Напомним, что такая экзистенциальная психология трактует экзистенциалы как характеристики любого человека: пространственность, темпоральность, «телесность», «настроенность», «человеческое существование в разделенном мире» [18].

Уточним, в связи с этим, и саму категорию «жизненного сценария». Такая категория до сих пор не слишком употребима, видимо, из-за осязаемого субъект-объектного противоречия в денотате этой категории.

Действительно, жизненный сценарий не может быть полностью субъективен, поскольку выражает именно предполагаемую линию поведения с промежуточными и конечным результатом в реальных обстоятельствах при относительно стабильной социальной среде, – иначе сценарий *был бы невозможен и заменялся бы простым фантазированием*.

С другой же стороны, сценарий не может быть и полностью объективным, поскольку описывает именно существование человека как *принципиальной сингулярности в силовом поле социальных взаимоотношений*.

Видимо, субъективные аспекты сценариев все же преобладают, иными словами, здесь возможно будет полезным сравнение жизненного сценария с противоречивым, полным фантазийности, динамичным заполнением человеком уже данных в самой структуре образа жизни для конкретных страт своеобразных «функциональных ниш», причем чем ближе человек к заполнению такой ниши, тем больших усилий от него требуется.

Разумеется, такие ниши не представляют собой нечто вещественное, они могут быть отождествлены с некритически воспринимаемыми человеком «линиями наибольшей вероятности» в социальном пространстве.

Образно говоря, представления о собственных жизненных сценариях характеризуют своеобразную «виртуальную грамотность» человека, его умение даже не столько рассуждать, сколько чувствовать логику дальних последствий поступков. Последнее можно описать как уникальную «имплицативную интуицию», умение чувствовать ситуацию по линии «Если все время буду делать вот так – то в этом городе у меня, скорее всего, будет вот такой статус». Легко увидеть, что даже такие представления о наиболее стабильных социальных горизонтальных и вертикальных «лифтах» все же субъективны, но весь парадокс в том и состоит, что такая субъективность лежит в основе множества субъективных же ценностей как бы «второго порядка».

В этом смысле жизненный сценарий в наибольшей степени выражает именно социальные ориентиры человеческой фантазийности, его желание, зачастую эгоистическое и гедонистское, получать удовольствие таким образом, чтобы еще и преуспеть в социуме, по крайней мере, занять в социуме ту нишу, которая кажется ему наиболее желанной из диапазона субъективно признаваемых достижений.

Иными словами, категория жизненного сценария личности описывает необходимую и довольно локальную фиксацию представлений человека о необходимости социального ранжирования своего поведения для получения субъективно оцениваемой выгоды и общего приспособления к социуму.

Единственным, видимо, исключением при такой трактовке природы жизненного сценария будет редкий вариант фатально-негативной сценарности – чувствования, которое можно выразить так: «Когда я задумываюсь о том, что со мной будет именно в этой социальной микро-среде, я всегда и очень четко чувствую, что для моей личности полностью закрыты варианты карьеры, богатства, славы и пребывания в элите. Ничего этого у меня не будет ни при каких моих усилиях. Все случаи, когда я пробовал стремиться к таким ценностям, всегда кончались полным провалом, так что я выработал в себе умение относиться к этому с юмором. В социальном плане я – идиот, всегда им был и буду, и ничего тут не поделаешь».

Выделим, наконец, еще раз принимаемые методологически важные характеристики «жизненного сценария»:

– в природном мире, как и в любом описании социума, где нет человека как фигуранта, нет и не может быть никакого жизненного сценария, речь может идти лишь о структуре и динамике вероятностей;

– такой сценарий не может быть сведен к вероятностям, тем более к вероятностям фатальным, уже потому, что включает в себя человека, само появление которого в природном мире, по мнению большинства исследователей было практически невероятным. Жизненный сценарий и выражает, видимо, диалектику попытки накладывания одной неопределенности (человеческой воли и фантазии, действующих сейчас, но по поводу будущего) на другую (относительно

стабильные «ниши» взаимодействия природного и социального мира, в который может включаться человек);

– существует ряд очевидных факторов, влияющих на структуру и движение жизненных сценариев: уровень вертикальной и горизонтальной мобильности в обществе, реальная частота востребования социальных «лифтов», господствующие стереотипы воспитания, степень консервативности упоминавшихся социальных ниш, роль вещей в господствующих жизненных идеалах, реальные способы социализации человека, его гендерные особенности и т. д.

Мы, однако, не готовы считать систему таких факторов однозначно определяющей качество жизненных сценариев. Такие сценарии имеют и довольно мощную собственную логику. Видимо, ближе всего для описания такой логики фроммовский механизм «бегства от себя»: чем более экзистенциален человек, тем менее социализированы его жизненные сценарии.

Поэтому, не приводя свою трактовку природы психологического поля, ограничимся лишь констатацией некоторых, представляющихся вполне возможными, эффектов воздействия такого поля на формирование внутреннего мира и поведения человека:

1) появление и высокая роль в оформлении планов поведенческих действий феномена «ассоциативного разгона». Под последним понимается закрепление в описываемом жизненном сценарии мощной системы ассоциаций на символы и симулякры среды;

2) еще один аспект «полевых воздействий» связан с феноменом, который условно называем «стабилизацией девиативного диапазона». Дело в том, что, с одной стороны, социальная общность имеет замкнутый и сравнительно небогатый круг ролей; с другой же, она постоянно воспроизводит мотивы социально-девиативного поведения;

3) попытки применения опыта ролей за пределами общности кончаются чаще всего неудачей, вместе с тем, такие неудачи никогда не доходят до отрицания необходимости ролей вообще¹.

¹ Не случайно в пьесе М. Горького «На дне» все претензии героев по отношению к социуму, даже гибель Актера, никогда не ведут к попытке безролевой духовной коммуникации. Напротив, персонажи довольно спокойно мирятся со своими ролями при вынужденном общении [19].

Таким образом, роли в общности девиативны по отношению ко всему социуму, но стабильны. Они мало обогащаются за счет соприкосновения со средой. Эти воздействия на человека, в любом случае, выражены своеобразным социальным заказом, данным в пропагандируемых социальных ролях, причем лишь часть таких ролей осваивается через прямые, классические механизмы подражания. В иных случаях такие роли провоцируются своеобразными «прессами», ситуациями, которые подразумевают провоцирование довольно замкнутого диапазона реакций.

Было бы, однако, вряд ли верным описание трансформации личности только через дискрипции каких-то, пусть и весьма специфических воздействий; как шутят психологи, человек все же не является ни когнитивистским маленьким компьютером, ни бихевиористской белой крысой в лабиринте. Вариант отсутствия деформаций в психике, даже при постоянно действующих «социальных прессах» и ярком примере харизматического лидера, все же возможен.

Пояснить его природу можно так: в обычном прагматическом мышлении существует своеобразный конвейер, очень быстро передающий первичные ощущения в своеобразный «цех» восприятия, где из этого исходного материала формируются, прежде всего, именно образы, имеющие названия, то есть суть работы этого «цеха» в постоянном отождествлении таких первичных ощущений с имеющимся банком данных в дальней и иных видах памяти. При «поэтическом мышлении» «образы» (имажи) тоже возникают, но они пропорционально реже жестко закрепляются с каким-то лейблом, мертвящим образом, в котором родовое господствует над единичным, – например, мы сначала отождествляем встреченное существо с котенком, и лишь потом, и далеко не всегда, можем размышлять о его индивидуальности, о несводимости его к универсалии.

Такой избыток «неназванных образов» прямо провоцирует волевое, но социально-девиативное решение. С одной стороны, такое решение непременно должно быть, чтобы снять тревожность, с другой же стороны, «неназванный образ» провоцирует и неназванные же в устоявшихся томах аннотаций социального поведения варианты.

Отметим также, что уже на витальном уровне оформляется огромный потенциал не востребуемых даже в таких «неназванных образах» единичных ощущений, ассоциаций, предчувствий, который в принципе, не может реализоваться в решениях обыденно-прагматических. Вместе с тем, из психики это никуда деться не может.

Постоянное участие таких не востребуемых феноменов психической жизни, ощущений, гештальтов, ассоциаций и составляет основной поток «экзистенциального давления».

Психические процессы этого уровня (предчувствия, акты созерцания, медитации, формально-беспричинная тревожность, интуитивные акты и др.) для него достаточно привычны, как, к сожалению, и частая невозможность не только передать другим, но и простой словесной дескрипции того, что он чувствует.

1. *Кречмер Э.* Строение тела и характер. М., 1924.
2. *Кэттелл Р., Айзенк Г., Оллпорт Г.* Психология индивидуальности. Факторные теории личности. М., 2007.
3. *Левин К.* Динамическая психология. М., 2001.
4. *Маслоу А., Мэй Р., Оллпорт Г., Роджерс К.* Экзистенциальная психология. М., 1999.
5. *Оллпорт Г.* Личность в психологии. М., 1998.
6. Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982.
7. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». М., 2007.
8. *Hall C.S., Lindzey G.* Theories of Personality. N. Y., 1970.
9. *Левин К.* Топология и теория поля. История психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX века) / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждана. М., 1992.
10. *Зейгарник В.В.* Психология К. Левина. М., 1970.
11. *Фрейд З.* Я и Оно. М., 2003.
12. История психологии. Период открытого кризиса / под ред. П.Я. Гальперина и др. М., 1992.
13. *Черноушек М.* Психология жизненной среды. М., 1989.
14. Как работают японские предприятия / под ред. Я. Мондены, Р. Сибакэвы и др. М., 1989.
15. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
16. Сон-семиотическое окно. 26-е Випперовские чтения. М., 1993.

17. *Sagan K.* Драконы Эдема. М., 1986.
 18. *Бисвангер Л.* Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию: Избранные статьи / пер. с англ. Е. Сурпиной. М., 1999.
 19. *Горький М.* Пьесы. М., 1980.
-
1. *Krechmer E.* Stroenie tela i kharakter. М., 1924.
 2. *Kettell R., Ayzenk G., Ollport G.* Psikhologiya individual'nosti. Faktornye teorii lichnosti. М., 2007.
 3. *Levin K.* Dinamicheskaya psikhologiya. М., 2001.
 4. *Maslou A., Mey R., Ollport G., Rodzhers K.* Ekzistsentsial'naya psikhologiya. М., 1999.
 5. *Ollport G.* Lichnost' v psikhologii. М., 1998.
 6. *Psikhologiya lichnosti. Teksty / pod red. Yu.B. Gippenreyter, A.A. Puzyreya.* М., 1982.
 7. *Freyd Z.* «Ya» i «Ono». М., 2007.
 8. *Hall C.S., Lindsey G.* Theories of Personality. N. Y., 1970.
 9. *Levin K.* Topologiya i teoriya polya. Istoriya psikhologii. Period otkrytogo krizisa (nachalo 10-kh – seredina 30-kh godov XX veka) / pod red. P.Ya. Gal'perina, A.N. Zhdana. М., 1992.
 10. *Zeygarnik V.V.* Psikhologiya K. Levina. М., 1970.
 11. *Freyd Z.* Ya i Ono. М., 2003.
 12. *Istoriya psikhologii. Period otkrytogo krizisa / pod red. P.Ya. Gal'perina i dr. M., 1992.*
 13. *Chernoushek M.* Psikhologiya zhiznennoy sredy. М., 1989.
 14. *Kak rabotayut yaponskie predpriyatiya / pod red. Ya. Mondeny, R. Sibakavy i dr. M., 1989.*
 15. *Petrovskiy A.V.* Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv. М., 1982.
 16. *Son-semioticheskoe okno. 26-e Vipperovskie chteniya.* М., 1993.
 17. *Sagan K.* Drakony Edema. М., 1986.
 18. *Bisvanger L.* Bytie-v-mire. Vvedenie v ekzistsentsial'nuyu psikhiatriyu: Izbrannye stat'i / per. s angl. E. Surpinoy. М., 1999.
 19. *Gor'kiy M.* P'sy. М., 1980.

Поступила в редакцию 14.05.2014 г.

UDC 316.37

NATURE OF PERSONALITY AND CULTURE OF CONSTRUCTION OF LIFE SCENARIO

Igor Alekseyevich FEDOROV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Sociology, Professor of Theoretical and Applied Sociology, e-mail: malero1410@mail.ru

The most complicated problem of the relationship of personality structure and cultural determinants of designing out its life scenarios are considered. Hypothesis put forward the structure and nature of personality, personality organization levels due to cultural framework life scenarios described in this hierarchy acting mental mechanisms of personality.

According to the basic hypothesis of the basis for structuring the human "I-system" is existential, treated as fixed in the oldest clusters psyche fundamental fear of reason before its uniqueness, not reducible to any form of external world. Personal complexes, phobias and its mania back to the existential. "Axial principle" of individual behaviors are attempts to block or mitigate such "touching existential", especially at described levels of "social" and "vital" "I".

Direct expression of such dependencies is to develop by personality own life scenarios. Several types of scenarios are highlighted: "subjective-idealist" (abstract desired developments), "subjectively negative" (most unwanted scenario), and "highest probability scenario (representations of the person most likely scenario for him) Accounting for the most common life scenarios of population is a necessary condition for social management framework, which is aimed at promoting the social aspects of such scenarios.

Key words: personality; existential; culture; life-stage theory.